

стойной. Она хотела обеспечить дочери достойное будущее и поэтому принимает решение напугать мужа своей смертью. Он испугается, что её привидение будет мучить его, и благодаря этому её дочь станет хозяйкой в доме.

Если в первом случае смерть выступает как символ, который является источником жизни не только духовной, но и возрождения материи, то во втором – смерть предстаёт намного сложнее, как трансформация существа при помощи разрушения формы без полного уничтожения её сущности. Смерть здесь является высшим освобождением. Это распад и конец чего-либо определённого, охватывающего конкретный период времени. Смерть приобретает форму жертвенности и стремления к саморазрушению перед лицом невыносимого напряжения.

Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что символы культуры вводят художественное произведение в определённое культурно-национальное пространство, являются знаком принадлежности к этому пространству. Вместе с тем в рамках того или иного художественного произведения традиционное содержание символа может подвергаться переосмыслению, что помогает символу культуры приспособляться к новым для него условиям и целям коммуникации.

Важную роль в данном процессе играет как контекст всего произведения в целом, так и непосредственный лексико-стилистический контекст тех слов и словосочетаний, которые являются репрезентантами соответствующего

символического образа. Это, в свою очередь, даёт основание утверждать, что непротиворечивое и последовательное описание символа культуры должно учитывать его функционально-дискурсивные свойства.

Примечания

- 1 См.: Шелестюк Е. О лингвистическом исследовании символа // Вопр. языкознания. 1997. № 4. С. 125–143.
- 2 Там же.
- 3 См.: Frye N. Symbol // Encyclopedia of poetry and poetics. Princeton (N. J.), 1965.
- 4 См.: Шелестюк Е. Указ. соч.
- 5 Tan A. The Joy Luck Club. N. Y., 1989. P. 122.
- 6 Ibid. P. 130.
- 7 Ibid. P. 123–124.
- 8 Ibid. P. 122.
- 9 Ibid.
- 10 Ibid.
- 11 Ibid. P. 121.
- 12 Ibid.
- 13 Ibid.
- 14 Ibid. P. 125.
- 15 Ibid.
- 16 См.: Павляк О. Образ океана в художественной структуре оды М. В. Ломоносова «Утреннее размышление о божием величестве» // Вестн. РГУ им. И. Канта. Филологические науки. 2010. № 8. С. 106–110.
- 17 Tan A. Op. cit. P. 125.
- 18 Ibid. P. 126.

РОЛЬ АДРЕСАТА В МНОГОМЕРНОМ ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ (на материале жанра интервью)

О. А. Жумаева

Саратовский государственный университет
E-mail: zhumaeva1987@mail.ru

В статье многомерный процесс коммуникации рассматривается сквозь призму пространственной соотнесённости коммуникантов и типов адресата на материале жанра интервью, представлена попытка создания молекулярной 3D модели коммуникации.

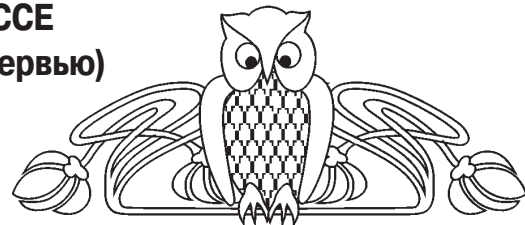
Ключевые слова: модель коммуникации, адресант, адресат, дискурс, интервью.

The Addressee Role in Multidimensional Process of Communication (in the Interview Genre)

O. A. Zhumaeva

In the article the multidimensional process of communication is considered in the light of spatial relationship of communicants and the types of addressees in the interview genre; it is attempted to create a molecular 3D model of communication.

Key words: model of communication, addresser, addressee, discourse, interview.

Коммуникативная лингвистика оформилась в середине 50-х гг. XX в. как особое направление языкознания, в рамках которого получила развитие теория речевой коммуникации. Данная теория представляет собой область научного знания, предметом изучения которой является коммуникация, её роль и место в обществе, а также коммуникативные процессы и закономерности их развития.

С целью получения объяснения лингвистических явлений, их предсказания и систематизации знаний российские и зарубежные лингвисты занимаются разработкой *моделей коммуникации*. Поскольку цель настоящей статьи – изучение процесса коммуникации и создание его модели, необходимо определить, в каких измерениях необходимо коммуникативное событие, и всесторонне его исследовать.

В науке о коммуникации создано множество моделей, отражающих закономерности общения. Информационно-кодовая модель коммуникации является одной из наиболее распространённых. В её основе лежит «представление о коммуникации как о передаче сообщения от передатчика к приёмнику, а под сообщением понимается последовательность знаков – двусторонних единиц, имеющих материальную форму (означающее) и идеальное содержание (означаемое)»¹. Данная модель носит универсальный характер и может использоваться в различных отраслях науки. Однако она не учитывает специфики человеческого общения, в частности понимания, то есть тех отношений между сообщением и ситуацией общения, которые делают высказывание целесообразным.

Кодовая модель получила развитие в функциональных моделях общения. В модели коммуникации, или речевого события, по Р. О. Якобсону, участвуют *адресант* и *адресат*, от первого ко второму направляется *сообщение*, которое записано с помощью *кода*. *Контекст* в модели Р. О. Якобсона связан с содержанием сообщения, с информацией, им передаваемой, понятие *контакта* указывает на регулятивный аспект коммуникации². Г. Г. Почепцов относит модель коммуникации Р. О. Якобсона к семиотическим моделям в связи с тем, что каждому из шести факторов модели коммуникации Р. О. Якобсона соответствует определённая функция языка³.

Ю. М. Лотман подвергает критике модель Р. О. Якобсона за излишнюю абстрактность, подчёркивая, что у адресанта и адресата в действительности не могут быть одинаковые коды и что для коммуникации изначально требуется «неэквивалентность говорящего и слушающего»⁴.

Лингвистическая модель Р. О. Якобсона может быть применима к различным типам дискурса. Однако некоторые современные модели коммуникации обладают ограниченным дискурсивным потенциалом. Так, циркулярная модель И. Н. Прохожай «пилот – диспетчер – пилот – диспетчер»⁵ исправно работает на материале закрытого узкопрофессионального дискурса радиообмена во время полётов, но не позволяет вскрыть сущности других более сложных типов дискурса. Данная проблема, на наш взгляд, присуща большинству прикладных моделей, однако их узкая направленность обуславливается целью их создания – решение конкретных задач в различных областях знания.

Мы задались целью создать такую модель, в которой адресат займет равноправное место с адресантом, поскольку в большинстве ранее предложенных моделей адресат учитывался косвенно по причине сложности или невозможности отслеживания ответной реакции. Направление речевого действия, как правило, определялось от адресанта к адресату, но не обратно. Однако коммуникация – это «специфическая форма взаимодействия

людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности»⁶. Следовательно, модель коммуникации не может быть исключительно адресантно ориентированной. По мнению В. Е. Гольдина, направленность на адресата представляет собой один из важнейших признаков человеческой речи, отличающий её от прочих биосемиотических систем⁷. В связи с этим модель коммуникации обязательно должна включать адресата, или интерпретатора высказывания адресанта. Кроме того, все существующие модели коммуникации носят плоскостной характер, и с их помощью невозможно наглядно продемонстрировать смену реплик и то, каким образом происходит взаимодействие адресанта и адресата.

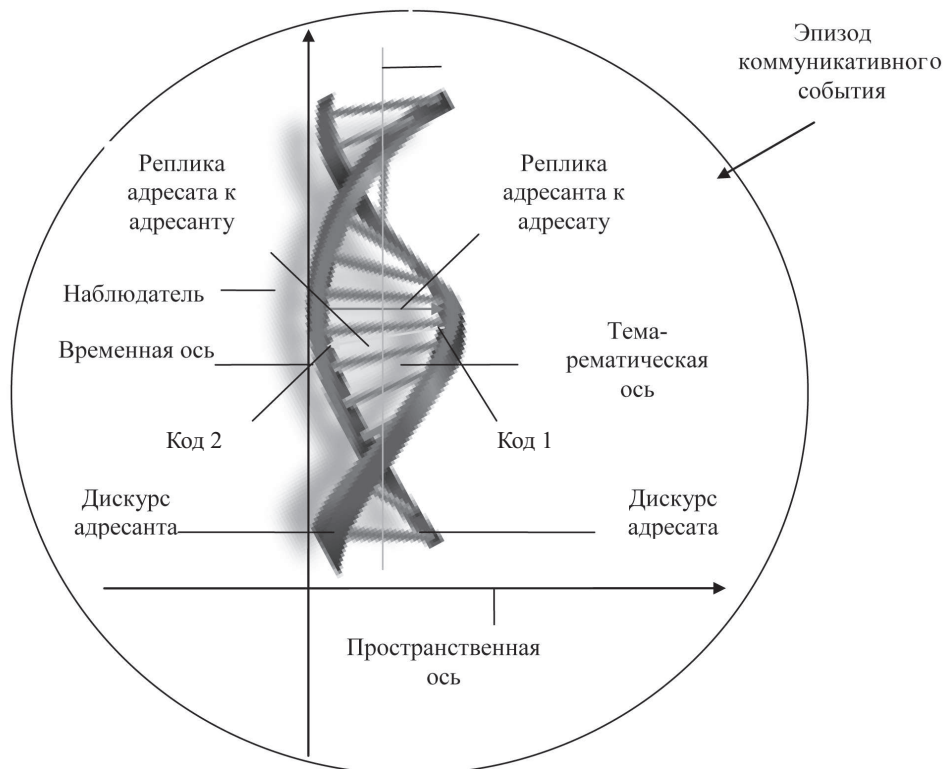
Приступая к созданию новой модели, мы, естественно, опирались на опыт наших предшественников. Однако термину Р. О. Якобсона «контекст» мы предпочли термин «конситуация», так как в целом ряде случаев весьма трудно провести чёткую грань между контекстом и ситуацией, поскольку ситуация нередко является «полноправной составной частью акта коммуникации и даже вливается в речь»⁸.

Разработанная модель представлена на рисунке.

Данную модель мы склонны именовать молекулярной, поскольку в её основу положена *форма* молекулы ДНК (DNA molecular model), которая представлена в виде двойной спирали. В 50-е гг. XX столетия американские и британские учёные доказали, что длинные молекулы образуют связи, закручивающие молекулы в спираль, и предположили, что модель ДНК обладает именно такой спиралевидной формой. Её воспроизведение основано на том, что каждая *цепь двойной спирали* служит матрицей для сборки новых молекул⁹.

Хотелось бы подчеркнуть, что модель ДНК обладает сложнейшей структурой, а мы руководствуемся только её формальными признаками. В настоящем исследовании мы проецируем только *форму* модели ДНК на модель коммуникации, в которой цепями двойной спирали являются дискурс адресанта и адресата, и каждый из них служит матрицей для новых эпизодов коммуникативных событий. Так называемая скрученная двойная спираль представляется в форме лестницы со ступенями, которые в молекуле ДНК состоят из элементов, в том числе химических, позволяющих им образовывать связи строго определённого типа. Такие элементы, как «ступени лестницы», в коммуникативной модели представляют собой два типа реплик: от адресанта к адресату и от адресата к адресанту. Парность оснований указывает на механизм копирования и деления: копирование генетического материала и создание новых молекул, а в коммуникативной модели – создание новых коммуникативных эпизодов.

Молекулярная модель коммуникации работает в системе трёх координат: пространственной, временной и тема-рематической. Пространствен-

Молекулярная 3 D модель коммуникации

ная ось характеризует коммуникативное событие с точки зрения его места и количества участников. Временная ось демонстрирует длительность коммуникации. Тема-рема-тематическая ось подразумевает развёртывание смысла от исходной информации (темы) к актуальной, новой информации (реме) в тексте коммуникативного события, в которой высказывания адресанта и адресата образуют систему тема-рема-тематических цепочек.

Основания настоящей модели, то есть спирали, представленные репликами адресанта и адресата, несут в себе информацию, *пропозиционально структурированную* и отражённую в синтаксической единице. Пропозициональная структура – это «лингвистический ген, содержащий генетическую информацию о способах развёртывания предложения»¹⁰. Данное определение Ю. А. Левицкого коррелирует с разработанной нами 3D моделью коммуникации, в формальную основу которой мы положили структуру модели ДНК. Таким образом, в предложенной модели процесс кодирования и декодирования информации адресантом и адресатом, обозначенный на рисунке фигурами код 1 и код 2, есть не что иное как облекание «лингвистического гена» в конкретную информацию.

Говоря об используемых знаковых системах, то есть кодах, отметим, что «код, на котором человек кодирует и декодирует, один и тот же. Это универсальный предметный код». Помимо универсального предметного кода, который регулирует форму, существует и языковой код, который «регулирует форму с расчетом на огра-

ниченное системное содержание»¹¹. Данные коды обеспечивают основную функцию коммуникации – переводимость и понимание. Таким образом, дискурс адресанта и адресата строится на основе универсального предметного кода и языкового кода, которые обеспечивают их взаимодействие в процессе коммуникации: адресант переводит свой УПК (универсальный предметный код) в языковой код, а адресат этот языковой код в свой УПК.

Тени от скрученной спирали обозначают стороннего наблюдателя, который оказывает значительное влияние на дискурс и манеру поведения коммуникантов. Важно отметить, что движение спирали может иметь только одно направление – вперёд, поскольку дискурс линейно однонаправлен.

В процессе разработки настоящей модели мы поставили задачу – выявить степень влияния фактора адресата на организацию дискурса адресанта, поэтому важно уточнить, кого из участников мы рассматриваем как адресанта, а кого как адресата. Например, если анализировать дискурс какой-либо известной личности, дающей интервью радиорепортёрам, то адресантом является данная личность, а адресатом – та аудитория, с которой адресант создаёт коммуникативную ситуацию.

В подобных коммуникативных событиях обычно принимает участие ведущий или интервьюер. Именно он начинает, направляет и приводит к завершению коммуникативное событие. На наш взгляд, этого участника коммуникативного события нельзя назвать ни адресантом, ни адре-

сатом в полном смысле этого слова. Он выполняет роль *регулятора* коммуникативного события. Без такого участника макрокоммуникативное событие может быстро затухнуть или начать развиваться в непредсказуемом направлении, а в каждом из микрособытий дискурса регулятор является не адресантом, но адресатом конкретной реплики.

Предложенная модель коммуникации позволяет показать постоянную мену коммуникативных ролей между адресантом и адресатом, в то время как все ранее существовавшие модели были адресантоцентричными.

Разумеется, молекулярная модель, также не лишена недостатков: в ней не учитываются помехи, порой меняющие ход коммуникации. Разумеется, мы не претендуем на безупречность разработанной молекулярной модели. Однако, поскольку данная модель повторяет модель молекулы живого организма, она, на наш взгляд, эффективнее всего вскрывает сущность речевого взаимодействия, которое проявляется в коммуникативных событиях, в свою очередь являющихся неотъемлемой частью событий жизни человеческого общества.

Разработанная молекулярная модель на первый взгляд может быть использована только для изучения непосредственного взаимодействия коммуникантов. Мы полагаем, что это не так. Несмотря на то, что непосредственное речевое взаимодействие является наиболее типичной формой коммуникации, даже при опосредованном общении адресант всегда ориентируется на адресата (часто дистанцированного): реального/ гипотетического, персонального, массового и обобщённо прогнозируемого¹², что проявляется в отборе языковых средств и манере поведения. Как уже говорилось ранее, основная функция коммуникации – переводимость и понимание, следовательно, без ориентира на определённого адресата риск непонимания возрастает, что может повлечь за собой коммуникативную неудачу или коммуникативный провал. Там, где речь идёт об обычном диалоге, роль адресата ясна, но роль адресата, проявляющегося в тексте, который в основном монологичен, также немаловажна. Настоящая модель работает на материале диалога, более сложным является её соотношение с монологом, где адресат является прогнозируемым, но тоже выполняет свою роль. Продемонстрируем это на материале жанра интервью Британского научно-публицистического дискурса.

Данный жанр представлен интервью с профессором Лондонского университета Лорной Анвин и интервью с профессором Стивом Смитом, президентом университетов Великобритании. Интервью с профессором Стивом Смитом проходит в рамках подкаста, то есть радиовещания в Интернете в форме аудиозаписи интервью с прилагающимся транскриптом. Интервью с Лорной Анвин опубликовано в электронном журнале «Образовательная Арена» в виде подкаста, включаю-

щего в себя транскрипт интервью без звукового оформления. Хотя адресантами являются разные учёные, коммуниканты имеют приблизительно один и тот же профессиональный уровень и относятся примерно к одной и той же возрастной и социально-культурной страте.

Необходимо отметить, что в нашем понимании интервью имеет текстовую природу, несмотря на то, что относится к разговорному жанру. Интервью является специально организованным и заранее запланированным, поэтому «представленный разговор оказывается ближе к обычному пониманию текста как какому-то целостному речевому произведению, имеющему начало, развитие темы и её завершение»¹³. На наш взгляд, это только усиливает адресацию, поскольку единство темы характеризует направленность интервью на конкретную аудиторию с расчетом на её отклик.

Как правило, интервью присуща явная диалогичность, однако количественное содержание диалога в каждом интервью может быть различным. Предлагаем сравнить интервью с профессором Стивом Смитом (Interview with Professor Steve Smith Speaker Key: DO Derfel Owen SS Steven Smith URL: <http://www.qaa.ac.uk/Publications/Podcasts/Pages/Interview-Professor-Steve-Smith-President-Universities-UK.aspx> 2011/10/28 – далее S. S.) и интервью с профессором Лорной Анвин (Expert Interview with Professor Lorna Unwin, Editor of Journal of Vocational Education&Training. URL: http://www.educationarena.com/pdf/expertInterviews/transcript_cat34_rjve.pdf 2011/10/28 – далее L. U.) по соотношению диалога и монолога в каждом из них. В современных лингвистических исследованиях отмечается вторичность монолога по отношению к диалогу, так как, с одной стороны, монолог является смысловым развертыванием диалога, с другой стороны – сжатым диалогом¹⁴. При этом важным обстоятельством различения диалога и монолога выступают наличие быстрой реакции собеседника на высказывания другого лица, а также присутствие эмоционально-экспрессивного момента в высказывании. Таким образом, за единицу диалога и монолога принимаем синтаксическую единицу.

Derfel Owen: That's quite a gloomy outlook and quite a daunting challenge for institutions but if you were to unleash your inner optimist for a second and put the challenges to one side, what do you think the opportunities are that might be emerging for universities?

Steven Smith: That's a very good question! (S. S.).

Данный пример диалога состоит из двух синтаксических единиц и демонстрирует вопросно-ответное диалогическое единство, в котором эмоционально-экспрессивный ответ незамедлительно следует за вопросом (выявлено на основе аудиозаписи).

В ходе анализа интервью с профессором Стивом Смитом было выявлено, что число диалогиче-

ских единств составляет 22 синтаксические единицы, монолог включает в себя 65 синтаксических единиц. Таким образом, процентное содержание диалога в интервью – 25,3%, а монолога – 74,7%. Интервью с Лорной Анвин содержит 32 синтаксические единицы диалога и 109 единиц монолога, что в процентном отношении составляет: диалог – 22,6%, монолог – 77,3%. Полученные данные оказались приблизительно одинаковыми. Процентное содержание диалога в обоих интервью составляет примерно 25%, что свидетельствует о преобладании в них монолога. Таким образом, исследуемые интервью преимущественно характеризуются монологичностью.

Мы задались целью исследовать интервью с разной пространственной соотносённостью коммуникантов и различными типами адресатов. Условно обозначим их так:

- 1) дистанцированный/недистанцированный адресат-вольный слушатель;
- 2) дистанцированный/недистанцированный адресат-собеседник;
- 3) дистанцированный/недистанцированный массовый адресат.

К адресату-вольному слушателю обращены обещания и утверждения адресанта, которые не требуют обязательной вербальной реакции от адресата. Адресат-собеседник – это конкретное лицо, к которому обращается адресант с помощью жёстко адресованных иллюкутивных актов, а также косвенных и этикетных речевых актов. В отличие от адресата-вольного слушателя, ответная реакция адресата-собеседника обязательна. Адресат-вольный слушатель и адресат-собеседник являются персональными адресатами. Массовый адресат может выступать как в роли присутствующей, так и прогнозируемой аудитории.

В отличие от классического диалога, реакция дистанцированного адресата отложена как в пространственном, так и во временном отношении, и нередко находит косвенное выражение в дискуссиях коллег. Это позволяет нам сделать вывод о потенциальном характере массового адресата в проанализированном жанре интервью.

Несомненно, регулятор коммуникативного события влияет на дискурс адресанта. На данном этапе исследования ограничимся двумя наблюдениями.

Во-первых, вступление регулятора в коммуникативный акт может привести к тематической перестройке дискурса адресанта.

Derfel Owen: What change, if any, do you think this will bring about to the environment in higher education?

Steven Smith: Let me start by saying we have had a number of meetings immediately with the new government and it's very, very reassuring to see them immediately stating in the coalition agreement, their commitment to social mobility (S. S.).

Во-вторых, в данном типе дискурса фатическая метакоммуникация может как присут-

ствовать, так и отсутствовать. Для установления причины этого явления необходимо значительно расширить материал исследования.

Так, при наличии регулятора в жанре интервью адресант, как правило, не использует метакоммуникативные средства, поскольку адресанту важно не общение ради общения, а общение для получения желаемого вербального или невербального действия. В дискурсе адресанта присутствует в основном эксплицитная информация, поскольку имплицитная информация может привести к коммуникативной неудаче. Стратегия дискурса адресанта при участии регулятора коммуникативного события в жанре интервью характеризуется строгой логической последовательностью вопросно-ответных диалогических единств.

Interviewer: 4. What do you see as the strength of the Journal of Vocational Education & Training as an academic journal compared to other titles in the field?

L. Unwin: I would like to argue that a key strength of the Journal of Vocational Education & Training, which we on the board tend to refer to as JVET, is that it takes vocational education and training seriously. Its breadth of coverage means that it is a forum for debate about vocational education and training in its broadest sense (L. U.).

Данный пример демонстрирует логично выстроенное диалогическое единство с конкретным ответом профессора Лорны Анвин на поставленный вопрос интервьюера о преимуществах журнала перед другими аналогичными изданиями.

Интервью имеет сложную природу. Оно состоит из непосредственного контактного общения ведущего и собеседника в студии и опосредованного дистантного общения интервьюера и пользователей сети Интернет. Из этого можно заключить, что интервьюер организует общение с учётом «фактора двойного адресата»¹⁵. Таким образом, в жанре интервью задействован дистанцированный массовый адресат (все интересующиеся проблемами образования), а адресант выполняет две роли – роль собственно адресанта (для всей аудитории) и роль адресата-собеседника для интервьюера, который в свою очередь представляет собой регулятора общения.

В основе построения дискурса, как правило, лежит стратегия. Поскольку официальное интервью представляет собой пласт делового общения, то такие стратегии, как «стратегия стимулирования описания положения дел, стратегия стимулирования осознания законов профессии, а также вспомогательные стратегии, например, стратегия выявления профессиональной компетенции»¹⁶, подкрепляются этикетными составляющими деловой беседы. По мнению С. А. Рисинзон¹⁷, коммуниканты:

- 1) смягчают воздействие на адресата, например снижая категоричность речи:

Derfel Owen: First of all, what do you think are the main challenges facing higher education at the moment? (S. S.);

2) поддерживают коммуникативный контакт, например используя образные выражения, что эмоционально объединяет коммуникантов:

Interviewer: What 'hot topics' do you hope/ expect to see coming through in the journal in the next two to three years (L. U.);

3) стремятся создать тональность согласия, одобряя мнение/предложение собеседника:

Derfel Owen: Absolutely, and one of the biggest changes in the environment has been the election of a new government that happened last month (S. S.);

4) облегчают восприятие дискурса, поясняя, уточняя и обосновывая высказываемое мнение:

Lorna Unwin: I'm keen to strengthen the Book Review section of the journal because I believe that is important in terms of a service to our readers and I'm also thinking about introducing an Editorial, and possibly, but I say this quite tentatively, thinking about introducing what I'll just refer to quite briefly here as a policy debate section (L. U.);

5) повышают коммуникативную роль собеседника, выражая благодарность:

Derfel Owen: Professor Smith, thank you very much for taking part in this podcast (S. S.).

Фактор функционального стиля играет немаловажную роль в реализации языка в конкретном дискурсе. О. Б. Сиротинина отмечает, что в научной сфере язык по-разному используется в различных жанрах. «Особенно сложны по условиям своего формирования событийные жанры, поскольку эти дискурсы <...> зависят от воли не одного адресата, а многих». Научный стиль «различается в зависимости от адресата, степени его специализации (собственно-научная, учебная и научно-популярная разновидности)». В публицистическом стиле реализация конкретного дискурса зависит от «формы речи, конкретного или массового адресата, монологического или диалогического вида речи и от времени его написания»¹⁸. Интервью, как правило, выдержано в публицистическом стиле.

Итак, участие различных типов адресата и регулятора коммуникативного события зависит от жанра коммуникативного события и функционального стиля конкретного дискурса. Особенностью жанра интервью является строгая тематическая организация, преобладание монолога над диалогом, наличие фактора двойного адресата и участие в интервью регулятора коммуникативного события. Велика роль массового адресата в жанре интервью, который является дистанцированным. Стратегии дискурса, подкреплённые этикетными составляющими деловой беседы,

выражаются в строгой логичной последовательности вопросно-ответных диалогических единств, связанных между собой объёмными монологическими высказываниями. Полагаем, что настоящая модель может работать не только на материале диалога, но и на материале, который в основном монологичен.

Примечания

- ¹ Гольдин В., Сиротинина О., Язубова М. Русский язык и культура речи. М., 2002. С. 11.
- ² См.: Jakobson R. Closing Statement : Linguistics and Poetics. Style in Language. N. Y., 1960.
- ³ См.: Почепцов Г. Теория коммуникации. М., 2001.
- ⁴ См.: Лотман Ю. Культура и взрыв. М., 1992.
- ⁵ См.: Прохोजай И. Когнитивно-прагматические и психолингвистические особенности дискурса радиообмена при выполнении международных полётов : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. С. 9.
- ⁶ Горелов И. Коммуникация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 233.
- ⁷ См.: Гольдин В. Обращение : теоретические проблемы. М., 2009. С. 34.
- ⁸ Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской. М., 1973. С. 19.
- ⁹ См.: Molecular Biology of the Cell. 4th ed. N. Y., 2002. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK26821/> 2011/12/05 (дата обращения: 12.02.2014).
- ¹⁰ Левицкий Ю. О логических аналогах грамматических сочинения и подчинения // Вопр. языкознания. 1990. № 4. С. 204.
- ¹¹ Жинкин Н. Речь как проводник информации. М., 1982. С. 53, 150.
- ¹² См.: Формановская Н. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- ¹³ Кормилицына М., Сиротинина О. Обиходно-бытовое общение // Вопросы стилистики : сб. ст. Вып. 28. Саратов, 1999. С. 92–102.
- ¹⁴ См.: Сметюк И. Диалогический текст: коммуникативно-динамический и лингводидактический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1994.
- ¹⁵ Попова Т. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб., 2002. С. 24–25.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Рисинзон С. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете. Саратов, 2010. С. 98–100.
- ¹⁸ Сиротинина О. Под влиянием каких факторов происходит реализация языка в конкретном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. Вып. 14. Пермь, 2010. С. 128, 129.